

«А для тебя, родная, есть почта полевая»

Фотографию можно подретушировать, историю – переписать. И только солдатские письма остаются самым важным и бесспорным свидетелем беспримерного народного подвига в Великой Отечественной войне.

В них нет описаний погоды, зато есть пометки военных цензоров. Вместо обратного адреса – номер полевой почты. Миллионные массы народов СССР пришли в движение с первых дней войны в июне 1941-го. И зачастую только коротенькое письмо, солдатский треугольник, наспех подписанная открытка помогали родным и близким найти друг друга.

ПОЛИТРУК ПРОДОЛЖАЕТ БОЙ

Эти пожелтевшие от времени листки бумаги собирают как бесценные документы эпохи большие и малые музеи, библиотеки, ветеранские и кадетские клубы и даже... детские сады.

На сайте садика подмосковной Электростали цитируют одно из писем. Василий Иванович Волков, житель Алтая, где осталась его семья, в письме обращается к жене, успокаивает ее после тревожных сводок Совинформбюро: «Многоуважаемая Маня! Шлю привет детям – Зое, Коле и Вале. Я жив-здоров. Манечка, береги детей. Обрати внимание на здоровье Зои. Она у нас слабенькая. Ей нужно пить молоко».

А вот еще письмо. Андрей Макарович Колташов, уроженец Сорокинского (ныне Заринского) района, призван в ноябре первого года войны. Поскольку в эшелонах, уходящих на запад, не разрешалось писать, то не сразу отправил весточку на Алтай: «Много моих товарищей убило и ранило, я пока на сегодня жив. Не знаю, что будет дальше. Сейчас опять идем в бой. Писать много времени нет, находимся у Москвы».

Уроженец Угловского района политрук Иван Ефимович Юраков (на фронте с 1941 года) сообщал семье: «Через некоторое время мы снова вступим в бой. Из нашего Угловского района все пока живы. Прошу, лишнего не думайте и раньше смерти не умирайте – и так всем передайте».

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ В КОНВЕРТЕ

Понятно, что следующее письмо барнаульца, боевого летчика Николая Ефимовича Жертовского (погиб в 1943-м), взволнова-

ло строгих цензоров, а может, и растрогало. Ведь к листку бумаги с бисером строк были прикреплены... высохшие полевые цветы. «Дорогая Катя!!! Сегодня после короткого отдыха я вышел на поляну, которая находится под постоянным обстрелом, и вот там, несмотря на все бомбежки и артиллерийский обстрел, существует жизнь. Эти цветы, несмотря на всё угрожающее их жизни, растут, они хотят жить, они борются за свое существование, они воюют вместе с нами, их фашистская бомба не берет. Посылаю тебе этот скромный боевой букет цветов, взятых на поле брани. Конечно, это не те цветы, которые растут в саду, это полевые. Собрались ребята, и каждый рассказывает о своей жизни, о своей семье. И вот так мы очень часто вспоминаем о вас, женах, о детях. Каждый говорит, какие вы переносите трудности в тылу. Я могу хоть возле самолета в товарищеском кругу отдохнуть. Я представляю, как тебе приходится тяжело переносить непривычный физический труд, но чем я могу тебе помочь, не знаю. Я с удовольствием бы перенес всю тяжесть на себя, только бы было легче тебе. Ну, пока, я сейчас иду снова в ночной рейд».

Александр Сиухин, уроженец Шипуновского района, писал домой: «Мама! Я жив и здоров. Сегодня вышел из боя и собираюсь идти еще. Гнали немца так, что наш полководец тов. Сталин нам вынес благодарность. А сейчас немец драпает еще сильнее и догнать его не можем. Передайте всем по боевому привету от бывшего Шурки – помощника бригадира, а в настоящее время советского командира, который за отвагу и уничтожение немецких оккупантов представляется к награде».

«А ДО СМЕРТИ ЧЕТЫРЕ ШАГА»

Рядовой Павел Васильевич Емельянов мобилизован Грязнухинским райвоенкоматом в августе 1941-го. В следующем году, в мае, он писал: «Даже не знаю, сколько проживу, смерть угрожает... наверное, мне, дорогие мои, более с вами не придется свидеться. Война очень опасная. Ходили мы всем взводом. Из взвода осталось всего нас 8 человек, сейчас опять идем обратно. Если убьют, то некому будет вам писать, дорогая моя. Я вам сообщу, что хлеба дают 200 грамм в сутки, без бою помрешь... Сердце у меня сейчас закаменело, как писал письмо. А слезы так и льются...»

Из письма Александра Швагера: «Получил письма, но дать ответа не пришлось, потому что я был в боях и там, дорогие

родители, не до писем, там каждая минута грозит опасностью... Знали б вы, под каким градом пуль и осколков приходилось лежать, просто волосы подымаются. За 20–25 метров были от окопов противника. Слышны их разговоры, как играют – в общем, всё, но всё же остался жив. Много товарищей пали смертью храбрых в борьбе за Родину, много ранило, но ничего не сделаешь. Война ни с чем не считается. На передовой приходилось быть и голодным, но тогда, дорогие родители, не до кушанья, про кушанье забудем. Давай только курить побольше да пить – и больше ничего нам не нужно...»

«БЬЁТСЯ В ТЕСНОЙ ПЕЧУРКЕ ОГОНЬ»

Деомид Матвеевич Кожуховский описывает обустройство солдатской землянки: «Землянка на метр вкопана в землю и по-амбарному закрыта частично плащ-палаткой и дерном, по стенам койки, сделанные из первоклассной древесины. Свисают бумажные трофейные мешки для защиты от осыпавшегося песка. Место угадали песчаное, и от малейшего стука стены обваливаются. Над печкой на проволочных крючках висят два алюминиевых котла и грязное полотенце. Окно сделано из досок ящика патронного, и вставлено пять штук бутылок. Над дверью окно из просаленной бумаги, пол цементный, вернее, только что заготовленный для цементирования, засыпают природным щебнем. Лежат книги: «Два наставления о стрелковом деле» и «Краткий курс ВКП(б)» и несколько пустых консервных банок со всякой дребеденью: пуговицы, крючки и всякая другая мелочь».

Островская Ангелина Афанасьевна, военврач 2-го ранга, работала в госпиталях Ленинградского и Волховского фронтов. «Живу сейчас в палатке, так называемой офицерской, – она на четырех человек. Живут в ней еще два врача и старший военфельдшер. Все мужчины. Неудобств особенных это не составляет, так как спим не раздеваясь. Вообще же здесь мне не нравится в отношении нравов – слишком многие придерживаются девиза «Война всё спишет». Конечно, условия играют здесь большую роль, когда не ставится ни во что жизнь человека. Поневолe отпадает вопрос о других сравнительно менее существенных обстоятельствах жизни, словом, живут, пока живется. Я лично такую точку зрения разделить не могу. Не думаю, что время и обстоятельства

заставят меня думать иначе» – это строчки из ее письма от 18 марта 1943 года.

ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ

В окопах и блиндажах, в госпиталях они писали: «Я буду бить врага до последних сил...», «Верю, что расквитаемся с фрицами», «Мама, немчура бежит от нас, мы им зубы переломали»...

Сколько таких коротеньких весточек с фронта или госпиталя мог написать боец РККА? Уже после войны подсчитали, что каждый месяц через военно-полевую почту проходило 70 миллионов писем. Новосибирец Борис Ручёв, единственный сын у родителей, за четыре года службы телеграфистом с ноября 1941 года успел написать 99. Последнее, датированное апрелем 1945-го, дописывали уже его боевые товарищи, свидетели гибели сибиряка от взрыва снаряда.

Уже несколько десятилетий такие письма собирают в сборники. Чтобы мы возвращались к ним снова и снова.

При написании использованы фронтовые письма, хранящиеся в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. Шишкова, архивах Алтайского государственного краеведческого музея им. Ползунова, материалы сборника «Письма с фронта любимым».

Подготовил Олег АНТОНОВ

АЛТАЙ – ФРОНТУ

С 1941 по 1945 год на Алтае сформировано 15 дивизий.

В Барнауле действовало 11 военных училищ.

4000 алтайских снайперов окончили снайперскую школу.

283 тыс. алтайских солдат не вернулись с фронта. К весне 1945 года не было в живых каждого второго. Село Боровлянка Троицкого района понесло самые большие потери в Великую Отечественную. 1400 погибших солдат были его уроженцами.

